

Ромм М.И.

6/IX-50

эпизод и сцена (Примечание и зав. "Сов. кинематограф") - 1990. - В сесс. (№ 36). - с. 8-9

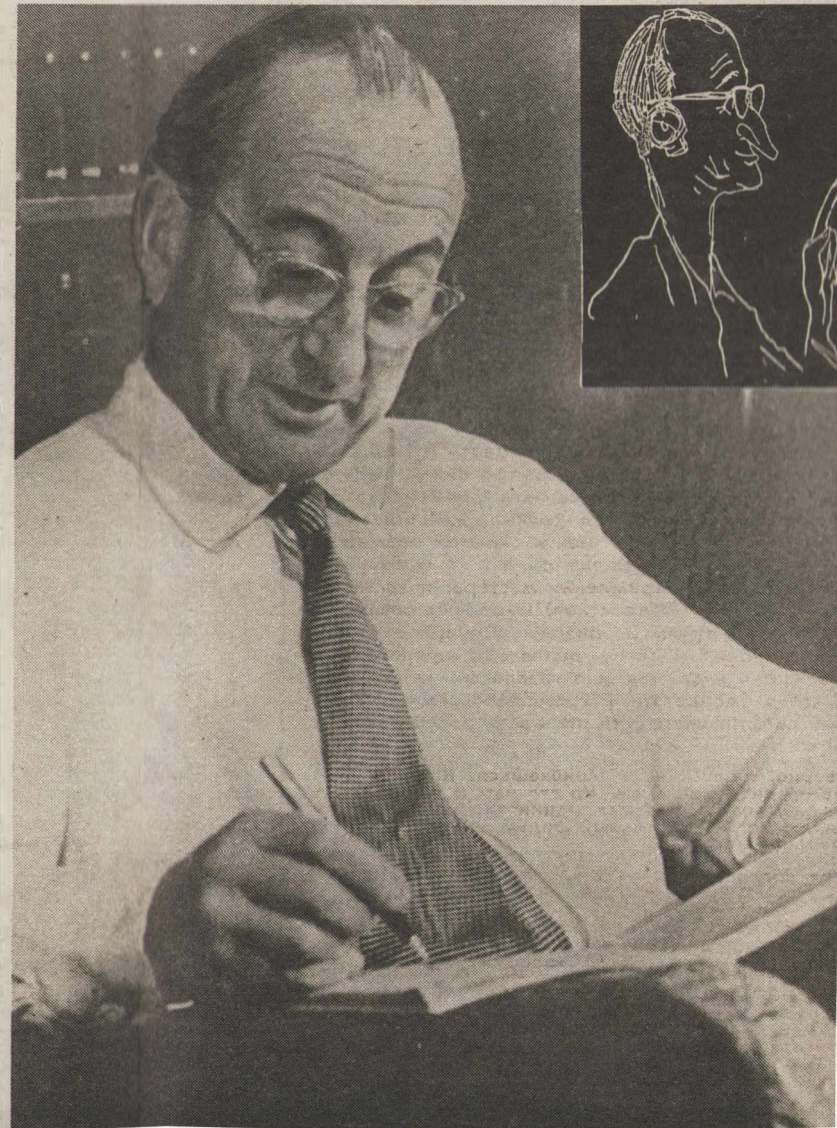
БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЙ

Динара АСАНОВА

И МЫ ЛЕТИМ...

● Дружеский шарж Кукрыниксова.

— КИНО — искусство жестокое: оно обладает способностью очень быстро зачеркивать прошлое. — Михаил Ильич резко поворачивается таким знакомым, только ему присущим поворотом, и улыбается, как Архимед на полотне испанца Рибейры. Рука с сигаретой занесена далеко в сторону, словно для полета.

И мы летим — мастер и его ученики. Аудитория становится пространством, над которым не властно время, и где все равны — мудрец и вступающие в жизнь юнцы. Но ни мастер, ни они не ощущают себя приготовишками — так серьезно, на равных, с такой почти детской открытостью и человеческим интересом относится к своим ученикам Ромм.

С каким-то озорством, уверенно вел он «свое стадо»: в космические высоты, вдруг — резко вниз, к жизни, людям, своему искусству. Задумывается, сосредоточится — опять архимедова улыбка на лице — «Нашел!». А значит, давайте вместе искать дальше. И этот постоянный поиск, прорыв к новому, еще не тронутому — вечный двигатель неиссякаемой его молодости...

Отработав свой «законный» месяц на картошке, мы начали заниматься в мастерской Михаила Ильича Ромма осенью 1962 года. А в ноябре последовало его известное выступление в ВТО, в котором здорово досталось Н. Грибачеву, А. Софронову и В. Кочетову. Ими тут же была подана жалоба в ЦК, а само выступление в качестве «подпольного читва» стало ходить по рукам, вызывая всеобщий восторг.

Руководство ВГИКа потребовало от Ромма «объяснения» в связи с «возмутительным выступлением профессора». Но профессор Ромм, естественно, такого «объяснения» давать не стал, а посему был вынужден подать заявление об уходе из института: «Прошу освободить меня от преподавательской работы во ВГИКе. Профессор М. Ромм. 22 мая 1963 года» — без объяснения «причин», без «собственного желания», без «ухудшения состояния здоровья». Причина ухода последовала на словах: «Я не тот столбик, чтобы каждая такса поднимала на меня лапу», — сказал Ромм в ректорате, отдавая заявление. Уважаемому профессору, естественно, отказать не могли и последовала резолюция: «Согласен удовлетворить просьбу М. И. Ромма освободить его от преподавательской работы во ВГИКе с 1 июня 1963 года по состоянию здоровья. 8.VI.63. А. Грошев».

Наши педагоги — Ирина Александровна Жигалко и Евгений Николаевич Фосс — пытались уговорить Ромма пойти на компромисс ради студентов. Но Ромм как всегда остался Роммом: «Не могу. Именно ради студентов».

Мастерская Михаила Ильича была передана Столперу. В 1965 году Михаил Ильич вернулся во ВГИК и набрал новый курс.

Моя защита проходила трудно, и, конечно, главную роль в спасении меня и моей дипломной работы сыграл Ромм.

Мне запретили защищаться, несмотря на то, что фильм («Рудольфио» по рассказу В. Распутина. — Прим. ред.) всем понравился. Одиннадцать раз Михаил Ильич представлял на кафедре мою работу, и столько же раз ее утверждали. Но администрация, а именно — Грошев и Ждан — не допустили меня до защиты. Тот же Грошев, который при первом просмотре пожимал мне руку, позднее предлагал мне снять новый диплом: «Если ты будешь защищаться этим фильмом — ты получишь тройку», — говорил он мне до последней минуты. В общем, дело обстояло плохо. Наконец Баскаков принял картину, сократив конец (и тут Михаил Ильич был прозорлив, он точно предположил, что будут резать), но тогдашний председатель Госкино Романов имел иную точку зрения: «Нам Аньес Варда не нужна. Этот фильм — набоковщина», — сказал он, имея, наверное, в виду «Лолиту».

Вся эта история была очень грустной, и, если бы не Михаил Ильич, я просто могла бы спастись. Ровно год мне не давали защищаться, ровно год Михаил Ильич вел переговоры, писал письма Ростоцкому, Донскому, еще кому-то.

В этот страшный для меня период рядом оказался Ромм, а не Столпер, который тогда официально вел нашу мастерскую.

Ромм занимался так не только мной. А сколько же нас было! И за нас он прошибал лбом каменные стены. А в случае успеха того или иного своего питомца открыто восхищался полетом. И только позже, в самый необходимый и нужный момент предостерегал его и помогал.

— Зачем же сейчас ваши предостережения? Не поздно ли? — спрашивали его.

— Когда он летал, он сам остерегался — там, в полете, было страшно, — отвечал Ромм, улыбаясь. — Сейчас, когда вокруг все более-менее спокойно и ошибка не кажется страшной, вот тут-то он и может ее совершить...

Всю жизнь он искал новое. И не стыдился учиться у своих учеников. А осознав, уяснив это новое, устремлялся вперед, снова превращаясь в вожака, за которым

шли мы, его ученики. «Уметь расти в любом возрасте — нелегкая задача, но этим умением обладают все лучшие кинорежиссеры... Тот, кто уловит сущность движения, кто подхватит новое, — тот будет жить в кинематографе...». И он достиг этого — его «Обыкновенный фашизм» стал для нас открытием. Но он внутренне уже прошел этот рубеж и на наших глазах пошел дальше — искать золотую середину между художественным и документальным кинематографом, где «явно осязательны черты нового: внимательное вглядывание и вслушивание в жизнь. Скрытая камера, подлинная жизнь вместо натянутой массовки, съемка в подлинных интерьерах вместо павильонов, отказ от киносвета, мизансцены, системы актерских импровизаций — все это... приближение к реальной жизни в игровом кинематографе». — так Ромм мечтал о своем новом фильме, который назвал «Мир сегодня».

По неизведанным каналам идет процесс обучения художественному творчеству. Почему последние устремления Ромма стали в моей самостоятельной работе ведущей нитью? Не знаю. Но так случилось. Я, казалось бы, вдруг начала работать почти скрытой камерой, лишь позже осознав, что взяла-то на вооружение высказанные нам вслух устремления мастера. Я заставляла актеров (особенно подростков) импровизировать на заданную тему, погружать эпизоды в существующую, помимо моей воли, массовку, пыталась с операторами «не выстраивать» кадр. Так мне казалось и кажется до сих пор, что я именно этими средствами могу войти в атмосферу сегодняшнего дня, передать в фильмах дух реальной жизни.

Естественно, ищешь — и ошибаешься. Как надо бы сейчас поговорить с Роммом! Но его нет, и я ищу совета в его работах — фильмах и книгах. И непременно нахожу их. И когда сдам новый фильм, я в первую очередь спрашиваю его:

— Как?
— Лица должны быть горячей или холодной, а теплыми могут быть только помои, — говорит он.

И еще:
— Не повторяйся... Нет двух явлений жизни, которые могут быть увидены одинаково.
Я смотрю снятый материал: все вроде бы прилично, и даже точно. И слышу:

— ...Каждый кадр фильма должен быть неповторим. Ибо этот кусочек — открытие и воссоздание мира.
И этот мой диалог с ним — не мистика, не мираж, а моя вполне реальная конкретная жизнь.

Михаил Ильич, я сейчас не летаю, я на земле и опять собираюсь в полет. Скажите же что-нибудь...